Фото автора

Обывательский отклик был зело устойчив: Новодворская – шебутная, поперёшная тётка, которую не переговорить. Даже теперь, когда она сама не может это ни подтвердить, ни опровергнуть. Архивы российского телевидения сохранили преимущественно её крупные планы, увековеченные, очевидно, в различных ток-шоу для того, дабы придать Валерии Ильиничне облик юмористически-отталкивающий.

А мне вот, представьте, довелось лицезреть Новодворскую на высоких каблуках. Это было в 2005 году в редакции московского журнала «Новое время», в редколлегию которого она входила. Валерия Ильинична сидела за письменным столом, вычитывая некий материал (тогда-то я и сделал этот снимок!), и вдруг поднялась и двинулась по комнате, внутренне вполне по-женски конфузясь, что ваш покорный слуга превращается в

невольного свидетеля перемещения её критической массы. Но я-то обратил внимание на другое – на то, что эта масса перемещалась на высоких каблуках!

Не переговорить?..

В некотором смысле всё так: я Валерии Ильиничне цитирую

Мандельштама, отбывавшего ссылку в Чердыни, она – мне Пастернака, очутившегося в Перми: «Синее оперенья селезня сверкал над Камою рассвет». И тут же интересуется у меня как у аборигена:

– А сколько Кама в ширину?..

Оказывается, Новодворская в своё время переплыла Днепр, а он вширь – с километр. Когда же я ей поведал, что Кама в иных местах достигает и двух, а то и трёх километров, молвила:

– Нет, у меня руки устанут!..

Всё-таки смирилась. То есть, конечно, выйди Валерия Ильинична на Каму, она бы – как председатель российского центрального координационного совета партии «Демократический союз» – нашла бы способ её покорить. Сравнила бы, к примеру, с Кама-сутрой, закованной в наручники мостов. И этому бы я не удивился. Но что меня поразило – так это признание «бескомпромиссной» Новодворской, почти беззащитный её вздох:

– Мой любимый писатель – Грин! Жить без него не могу!..

В начале 70-х она приобрела на чёрном рынке за 80 рублей (приличные по тем временам деньги) собрание сочинений Александра Грина «в серенькой обложке с красными и белыми буквами». С той поры постоянно перечитывала эти книжки.

Я толкую Валерии Ильиничне про бродяжничество Грина по Уралу, про то, как в одночасье в этнографическом Парке истории реки Чусовой был открыт гранитный памятник великому писателю-романтику, установленный прямо в речке Архиповке, как Грин, по его собственному признанию, впервые почувствовал себя писателем не в Крыму, а на Урале – рассказывая сказки лесорубу Илье…

– Да-да-да, – подхватывает Новодворская, по ходу уточняя про лесоруба: – Он ещё пельмени стряпал!..

– А помните, как напарник Грина подговаривал убить хозяйку, у которой они определились на постой? – пытаю я свою собеседницу, словно

именно она была той самой едва не порешённой хозяйкой. И – снова, будто только что прочитала:
– Да-да-да, потому что его напарник думал, что у неё есть деньги! А Грин потом хозяйке во всём признался – она ещё побежала к уряднику, а сам Грин ушёл пешком – в избах молоко покупал… Он-то Урал, в отличие от меня, повидал. Я через Урал только ехала по Транссибу – всё пыталась самоцветы из окошка разглядеть. Ничего, естественно, не увидела, а Грин… Хорошо, несчастный, до конца 30-х годов не дожил. Но я никогда не думала, что там у вас, на Урале, будет памятник Грину!.. Голос Новодворской… Так скрипит сверчок или дверь той самой избы, где останавливался во время своих уральских скитаний Грин…

– Валерия Ильинична, в Перми живёт 12-летняя девочка Саша, говорящая с интонациями Новодворской. Вот слушаю я эту девочку и думаю: «Наверное, Новодворская стала в России уже культовой фигурой?»
– А я думаю, этой девочке не дают покоя лавры Максима Галкина! Но я не советовала бы ей идти по наметившейся стезе, потому что Галкин – крайне неаппетитная и не рукопожатная фигура – я бы ему руки не подала! Это очень большая дешёвка – хуже, чем отец Райкина, который смеялся над домработницами, над не пришитыми в ателье пуговицами, над дефицитом товаров, и его охотно приглашали на свои вечеринки партийные боссы. Попробовал бы он посмеяться над идеалами социализма, над чем-нибудь вроде введения войск в Чехословакию! Но у Райкина было хотя бы то извинение, что его могли посадить в тюрьму, если бы он стал над этим всерьёз смеяться.
А у Галкина вообще нет никаких извинений. Кстати, он очень хорошо зарабатывает на корпоративных вечеринках. И отнюдь – не крамолой. И даже – на вечеринках номенклатурных. Он смеётся над тем, над чем дозволено смеяться. И всех своих персонажей в это невольно вовлекает. И меня – в том числе. Если бы я могла ему запретить поминать моё имя, говорить моим голосом, я бы это сделала. Получается, что я всё время выясняю отношения с тем же Зюгановым и абсолютно не занимаюсь Путиным. Галкин берёт ту составляющую, которая сейчас разрешена. А всё остальное просто отсекает. И при этом он хочет сойти за сатирика? И говорит моим голосом ужасные пошлости…
Выходит, я такая же, как он: так же приспосабливаюсь. Мне это крайне противно. Я ненавижу Галкина. Если бы можно было подать иск в какой-

нибудь международный суд!.. Но, я полагаю, никакой международный суд не примет такого иска – слишком тонкая материя…
– А подать в наш суд?..
– В наш суд я принципиально не буду подавать после истории с Лебедевым и Ходорковским, Сутягиным и Даниловым. Я не считаю российский суд правовой инстанцией. Поэтому Галкин может вытворять всё, что ему захочется, - я к этому не имею никакого отношения. Если ваша девочка стремится к той же карьере, то флаг ей в руки! Из неё явно ничего хорошего не выйдет… Вы определили меня в «культовые фигуры», потому что девочка говорит моим голосом?.. Нет, скорее, это стихийное бедствие…
– Но согласитесь, сейчас существует целый набор культовых фигур, и людям, на них взирающим, равно как и самим культовым персонажам, это весьма нравится… Взять ту же Машу Арбатову или Виктора Ерофеева…
– Беда в том, что я – не Маша Арбатова и я – не Виктор Ерофеев, не Аркадий и не Константин Райкины, вместе взятые. Я занимаюсь серьёзными делами. Вовлекаться в орбиту попсы типа Алины Кабаевой, которая даже пролезла в какой-то совет при Президенте при полном отсутствии мозгов?.. По-моему, виселица предпочтительнее. Я действительно бы это предпочла, если идеалы демократии, европейские ценности, правозащитная деятельность, трагическая судьба России, борьба за свободу – всё, что я перечислила, превращено сегодня в некий бренд, достойный присутствия головы Че Гевары на майках. Кстати, Че Гевара сие заслужил – он занимался несерьёзными, никому не нужными вещами, поэтому на майках и на сумках – самое ему место! А я, мне кажется, ничем этого не заслужила…
– А всё-таки, почему о вас говорят: «Задумана Господом она была правильно, но потом произошёл какой-то слом, и Валерия Ильинична вся ушла в протест. Против «коммуняк ли», против Путина ли. У Новодворской протест – как двигатель». Отчего так упорно вас числят протестной фигурой?
– Протестная фигура – это нигилизм в духе Х1Х-го века, когда молодые люди, выступая против конкретных злоупотреблений правительства, против того, что Россия была неадекватной Европе, зашли слишком далеко и стали отрицать вообще всё. В том числе, – нормальные причёски, хорошие манеры, семейную жизнь, возможность зарабатывать деньги, жить в комфортабельной квартире. Отрицать всё и вся вплоть до Пушкина и изящных искусств, которые вовсе здесь были не при чём. Да,

основания для протеста имелись. Но оснований для нигилизма не было. Основания для нигилизма были не до Октября, а после Октября. В советскую эпоху оснований для нигилизма было более чем достаточно. Вот тогда, пожалуй, я была нигилисткой, хотя на причёску это тоже не распространялось. Просто не у всех были деньги на модные причёски… А модных туалетов и вовсе не водилось! Это надо было из-за границы привозить или доставать за огромные деньги из-под полы. У меня такой возможности не было.

А сегодня протестная фигура – это, видимо, человек, который протестует против общественного зла. Зла – навалом. Причём я бы не сказала, что мне очень много надо. Протестная фигура, которая хочет, чтобы Россия была похожа на США, или на Великобританию, или на Норвегию с Голландией, – это, по-моему, очень умеренное требование? Чтобы всё было, как у людей: и свобода, и рыночная экономика, и экологические ниши для всех, и культура, и, дороги, и, простите, дураки – чтобы они не возглавляли государство, а сидели, где положено, - в каком-нибудь тихом уголке… Я бы

не сказала, что это нигилизм или избыточный протест. По-моему, это нормально. Потому что Запад – это норма. А всё, что у нас до этой нормы не дотягивает, – основание для протеста. Заметьте: я всегда протестовала против того, против чего нельзя было не протестовать.

– Хотя политика – дело спокойное. По крайней мере, так считается на Западе. В России же «покой нам только снится». 19-летний московский поэт и философ Илья Тюрин писал: «Но если силы для генерации русского характера у нас остались, то для его появления требуется приличная власть и немного исторического покоя». Возможен ли в России исторический покой? Или это, по определению, нереально?

– В России возможна историческая летаргия, в которой народ, по-моему, сейчас и пребывает. Куда уж дальше?.. Коматозное состояние. Людям всё равно. Они в этом коматозном состоянии переходят в мир иной, ни разу не проснувшись. Те, кого убили в Чечне, можно сказать, проснулись на том свете. Едва ли это желательный вариант! А их родители, спокойно смотревшие на то, что их детей отправляют в Чечню?.. А родители бесланских детей, которым не приходило в голову поставить перед собой вопрос: «А хорошо ли это, что Чечню завоевывают?» Пока их дети не оказались в той памятной школе, они считали, что это их не касается. А зрители «Норд-Оста»?.. Я совершенно уверена, что там не было протестных фигур, потому что на такие мюзиклы, где воспеваются советские лётчики, протестные фигуры просто не ходят. Там как раз был

путинский электорат, которого «приличная власть» между тем не пожалела. Ну вот, потом и до бесланских родителей дошло, что надо идти на митинг против войны в Чечне, когда им об этом напомнила группа захвата. Поэтому исторический покой, о котором мечтает ваш 19-летний философ, налицо: Россия в нём находится, как в могиле.

– Если вспомнить теорию Льва Гумилёва о пассионарности, на ваш взгляд, нынешний российский этнос пребывает в стадии старения? Или?.. Трудно себя представить, чтобы, в сравнении с другими странами, наш народ вышел сегодня на улицы…

– По-моему, мы просто из эмбрионального состояния не вышли. Старение предполагает какой-то период расцвета. Про старение можно говорить в контексте истории римской империи. Была римская республика, были какие-то консулы, какие-то законы, братья Гракхи, какая-то борьба за свободу, сенат… Затем это всё при императорах стало затухать. И, в конце концов, состарившийся народ утратил даже государственность. В контексте России наше благополучие датируется XII веком. Это – Киевская Русь до Орды. И – Новгород до его завоевания.

– XII век – это уже «Слово о полку Игореве». Помню ещё со школы: «Чёрные тучи идут с моря, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дона великого. Здесь поломаться копьям, здесь притупиться саблям о шлемы половецкие…» Какое уж там, в XII веке, благополучие?!

– Это то благополучие, которое тогда было возможно. Киевская Русь была, простите, в отношении ВВП первой в Европе. Мы были международным валютным фондом. Не мы занимали деньги – у нас занимали. Кроме того, у нас занимали войска! По уровню гражданской свободы наши города были первыми, а по уровню благосостояния Новгород – это, конечно, вершина, потому что превосходил города ганзейского права. И все остальные города на Руси были такими же. И Киев, и Чернигов… Да, это было мимолётно, продержалось недолго, зато являло собой достаточно стабильную систему демократии! Княжеские свемы, городские механизмы самоуправления… Просто все об этом забыли. Но это на самом деле было лучшим временем в нашей истории. А что касается набегов, то ведь они случались везде. Скажем, Польша имела дело не только с татарами, коих она, в отличие от нас, кстати, разбила, хотя была меньше и по размерам и по ресурсам, но и с турками. Это не русско-турецкие войны, когда мы пошли турок завоевывать, - турки поляков завоёвывали! В общем, проблем хватало. И – в западной

Европе. Возьмите Англию. Сначала – набеги германских племён, англов, саксов, потом – норманны. Вся история ранней Европы – это история войн. Как раз в этом смысле мы не были уникальны.

– А есть ли в отечественной истории какая-либо фигура, которая бы вас не раздражала?

– В российской истории было достаточно достойных фигур. Если начинать с истока, то это Владимир Мономах. Полоцкие князья были очень неплохи. Князь Михаил Черниговский, отказавшийся выполнять ритуалы Орды в 1248 году. Далее вообще идут великие фигуры: Михаил Тверской, который первый в нашей истории разбил татар и которого предали московские князья. Тверь должна была собирать Русь, а не Москва! Это – князь, погибший в Орде и причисленный к лику святых. Его сын Александр, издавший первые в нашей стране листовки! Это были листовки против Орды. Целая плеяда бояр новгородских – сыновья Марфы Борецкой и сама Марфа Борецкая, организовавшая сопротивление Москве…

– А если перепрыгнуть через несколько веков?

– А если перепрыгнуть через несколько веков, то это – князь Андрей Курбский, митрополит Филипп Колычев, который публично проклял Иоанна Грозного.

– А боярыня Морозова?..

– Нет, это уже было глупо. Религиозные фанатики меня никак не привлекают. Это – особая статья: протопоп Аввакум, Морозова, Урусова. У нас были либералы, начинающиеся при Петре: князь Василий Голицын, которого Петр не понял и сослал. Дмитрий Голицын, пытавшийся сделать правление Анны Иоанновны конституционным. Вот цепочка диссидентов, дотягивающаяся до наших дней. В конце концов, - пять процентов носителей скандинавской традиции держать Русь на плаву. Без них она давно бы уже скончалась. По-моему, такой страны уже не было бы…

– Вы себя относите к этой плеяде?

– Естественно. Все западники России – чётко носители этой скандинавской традиции.

– А Чаадаева не забыли?

– Чаадаев – не совсем то. Там было много позёрства. В конце концов, он ничем не пожертвовал – его никто никуда не посадил. Хотя точка зрения была весьма правильная. Но он же ничего, в принципе, не делал, в отличие от Герцена, который создал российский тамиздат: и «Колокол», и «Полярную звезду».

– А вы, Валерия Ильинична? Сколько раз вы были, простите за подробности, на нарах?
– Если посчитать, то достаточно. Только каждый раз какие-то обстоятельства возникали. Мне давали возможность выйти, иначе я с вами сейчас бы не разговаривала. Три раза – 70-я статья. Это – много. Антисоветская агитация и пропаганда. Обычно старались давать 190-ю или какую-то уголовную. А то, чтобы три раза была чистая 70-я, – большая редкость. В последний раз уже – в новой, горбачёвской формулировке: призыв к насильственному свержению строя. Ну и – административные аресты… 17 заходов по 15 суток. В общей сложности семь с половиной месяцев наберётся. За два года это прилично. Каждый раз мне везло. Освобождение с формулировкой «в связи с изменением ситуации». Это означает, что не изменился заключённый, а изменились внешние обстоятельства. Сначала это был Рейкьявик при Горбачёве, когда начались освобождения политзаключённых. Потом – когда у Горбачёва рухнуло терпение, и он стать сажать «Демократический союз», чтобы слишком много свободы не просили, случился августовский путч… В первый раз – когда был большой арест 70-х годов (тогда Галансков погиб в лагерях, и у меня было очень плохое состояние), они просто второй смерти не хотели: вот и освободили. Мне везло, очень везло. Кому не повезло, тот уже интервью не даёт…
– Сейчас в государственных органах – практически ни одного бывшего или нынешнего диссидента. Закономерно ли, что в них отсутствуют эти люди?
– О чём вы говорите?! Конечно, чекисты только и станут диссидентов трудоустраивать! Если – трудоустроить, то – дабы прослыть в глазах Европы людьми просвещёнными. То есть – на уровне уже соучастия. Вот Людмила Алексеева. Она, конечно, не в шоколаде, а совсем в другом веществе. Её имя будет покрыто позором: путинские цветочки, сотрудничество… Хельсинкская группа, которая была при Орлове настоящей Хельсинкской группой, полностью опозорена. Профанация идёт страшная. А в начале ельцинских времён кое-кому кое-что подбросили. Но очень ненадолго, потому что диссиденты не ужились с чиновниками. Полная биологическая несовместимость! Депутатами стали Пономарёв, Якунин, Рыбаков. Но от них были одни убытки. Ковалёв? Ельцин всё равно Ковалёва не слушал. Если б он послушал Ковалёва насчёт чеченской войны, то потом каяться было бы не в чем. Кое-кому дали работу. Например, Гале Старовойтовой. Но её долго Ельцин терпеть не стал. Как правило, выгоняли. Как только диссидент

начинал действовать, как полагается действовать в Европе, этого вынести не могли – или сам Ельцин, или его окружение. Прошло несколько месяцев после августовского путча – и уже прозвучала «красивая» фраза, после которой ушёл его первый пресс-секретарь Павел Вощанов: мол, если плохо будет себя вести Украина, мы у неё Крым отберём! Такая фраза – она из какой эпохи?! Это – чистая Империя! После этого Вощанов устроил дикий скандал и, конечно же, его убрали. А за что убрали Егора Яковлева с телевидения? За то, что он показал правду о конфликте ингушей и осетин. А дальше Россия полезла от большого ума в Грузию – вмешалась на стороне Шеварнадзе в гражданскую войну. Это было ещё до Чечни. А после этого уже всё! Какое могло быть сотрудничество после начала чеченской войны? Ельцин разгоняет всех. Убирает Юшенкова. На критику Немцова отвечает не тем, что говорит: «Спасибо, Боря, что ты мне помогаешь, учишь меня, как надо себя вести!», а выгоняет его из «наследников». Ельцин, конечно, никого не сажал, не закрывал никакие телеканалы, но на функционерских местах он диссидентов не терпел. Когда Галю Старовойтову выгнали, так она только печать на дверях увидела – ей даже никто ни о чём не сказал. Поэтому чего уж сейчас удивляться?! Шелов-Коведяев – сколько он там продержался в МИДе?! Как Козырев цеплялся за это место? На какие компромиссы шёл? Очень зря. А сколько Гайдар проработал у нас? Восемь месяцев.

– А на современном политическом горизонте есть ли играющие фигуры, которые бы более-менее вас устраивали?

- Эти несчастные фигуры – они полностью убраны с политической доски. Я просто не представляю себе ситуацию, при которой они могут на этой доске оказаться. Хотя это были бы полноценные президенты, премьер-министры. Только кто их туда пустит?!

– Вы, на мой взгляд, прекрасный филолог, стилист, если брать ваши статьи в журнале «Новое время» и пронзительную книгу документалистики «Над пропастью во лжи», даже – устную речь. Что угнетает вас в языковом запасе наших политиков?

– Отсутствие такового запаса. Это – люди совершенно невежественные, безграмотные.

– «Мочить в сортире?»

– Ну, а про жаргон российского Президента я не говорю. Похоже, что он был беспризорником, хотя это и не так. И, похоже, что он ещё и на зоне побывал. По крайней мере, странно, что у него – на уровне Штирлица – появились подобные речевые идеологемы и лексические единицы! То

есть он просто говорит на арго. Неужели менталитет сказывается? Эти власти ведут себя как налётчики. А с «ЮКОСом» – так просто как грабители с большой дороги, что, соответственно, психологически развивается в облик речи.

Что касается облика речи, то в Красноярске, например, великий писатель жил. Я с ним как-то в один самолёт попала. Помню, он так очень нелюдимо стоял – на меня никакого внимания не обращал, и я не посмела к нему подойти. То есть лично мы с Виктором Астафьевым не были знакомы. Хотя убеждения, думаю, у нас достаточно общие, одинаковые. Очень достойную прозу писал человек. По содержанию – вполне-вполне-вполне. Его роман «Прокляты и убиты» – это стоящая вещь. Вот я бы посоветовала всем тем, кто стремится во власть, читать такие произведения. Дабы не было стыдно в дальнейшем за их облик речи.

– Перед началом нашего разговора вы сказали, что на вашем письменном столе лежит книга стихов поэта Станислава Божкова «Красный квадрат». Я читал этот сборник и знаю, что он посвящен Валерии Новодворской. А внутри есть ещё и стихотворное посвящение - «Встреча», заканчивающееся словами:

И последняя вспыхнет звезда
на закованных наших запястьях…

Я печатал стихи Божкова в рубрике «Приют неизвестных поэтов», выходившей в российской газете «Трибуна». Следил за его странной судьбой. Божков жил в Березниках (это ближе к северу Пермского края), а печатался в Нью-Йорке, Париже и Оксфорде. Знаю, что он писал письма Ельцину – видимо, на правах земляка советовал, как надо управлять Россией. В начале 90-х сначала пропал без вести, а потом его останки опознали – он был не только убит, еще и сожжён… Божков входил в ваш «Демократический союз» и, как вы обмолвились, был единственным крестьянином в вашей плеяде…

– Ну да, у нас больше никаких крестьян в «Демократическом союзе» нет, хотя это очень условный крестьянин. В такой же степени и Есенина можно было считать крестьянином, но Есенин жил своим поэтическим трудом, в конце концов, получал уже приличные гонорары, а Божкову, чтобы прокормится, приходилось класть печи, выращивать гусей и поросят. Он, действительно, видел ту деревню, которую мы и отдаленно не видим. И то, что человек смог получить там такое образование, что начал писать вполне приличные стихи, дорогого стоит. У него же стихи – не есенинские. Его стихи выказывают глубокое знакомство с историей –

стихотворение о маршале Нее, например. Это вообще для европейской антологии! И так полюбить свободу, чтобы вступить в «Демократический союз»?! Это - уникальное явление, своего рода Ломоносов.

Я о его стихах высокого мнения. И – московские поэты. Это действительно – хорошие стихи. Вот строки, которые посвящены, собственно, не мне, а вообще, по-моему, всему «Демократическому союзу». Я помню их наизусть:

Сдаваться нам нету резона,
Но важно погибнуть в борьбе.
Пусть каркает птица ворона
На самой высокой трубе,
Когда наши храбрые кости
Положат на вечный покой
На самом высоком погосте,
Над самой красивой рекой…

И я это везде цитирую. Так что это стихотворение я пустила в люди. И смерть Божкова – очень большая потеря. Я его ни разу в жизни так и не увидела…

– То, что он назвал в последней строчке – «Над самой красивой рекой», – это та самая Кама и есть. Она протекает в Березниках. Затем – вдоль Перми. Какие ассоциации связаны у вас с Пермью?

– В Перми я не бывала – мне не везло. В этих ваших «симпатичных» лагерях, кажется, женской политзоны просто не было? Зато там у вас Сергей Адамович Ковалёв побывал. «Пермь-35», «Пермь-36», «Пермь-37»… Впоследствии их закрыли – музей сделали. Но самое лучшее, что они могли бы придумать, честно всё это сейчас расконсервировать. Если они хотят иметь политзаключённых, узников совести, пусть, по крайней мере, держат для них отдельные лагеря, чтобы было не хуже, чем при Брежневе. Мой вам совет: проведите у себя в Перми акцию около музеефицированной зоны «Пермь-36»: мол, почему здесь нет живых экспонатов?

МОСКВА – ПЕРМЬ